

Стурейко, С.А.

Индустриальное наследие: что это такое и как с ним поступить?

Из книги: Стурейко, С.А. *Антропология архитектурного наследия*.
Минск: Юнипак, 2010. – С. 78-98.

Так случилось, что именно индустриальное наследие – это наименее разработанная в Беларуси типологическая группа недвижимого наследия. Между тем, наша страна, будучи индустриально развитой, обладает в этой сфере большим потенциалом. Количество объектов индустриального наследия у нас велико. Велика и потенциальная выгода (материальная и нематериальная), которую можно получить от их включения в культурный оборот.

В Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь индустриальные объекты представлены достаточно широко, но даже специалисты рассматривают их скорее как элементы аутентичной городской застройки, а не как отдельную группу, обладающую специфическими ценностями. Как следствие этого, ценные объекты могут быть сильно деформированы либо вовсе утрачены. Сегодня в Беларуси отсутствует разработанная теория индустриального наследия. Публикаций о нем на русском и белорусском языках очень мало. Задача данной статьи – восполнение этого пробела.

Попытаемся в доступной и краткой форме обобщить наработки европейских экспертов. В статье дано несколько идеализированное представление о том, какие консервационные и интерпретационные мероприятия следует проводить на ценных объектах. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что многие из них очень сложно выполнить, тем более в белорусских условиях.

Более того, даже в самых богатых странах можно по пальцам пересчитать индустриальные объекты, действительно соответствующие эталонным критериям данной ветви теории наследия. Однако, как говорят, идеал недостижим, но стремление к нему является залогом успеха.

Надеюсь, эта работа побудит читателя задуматься о перспективах нашего индустриального наследия, вдохновит на проведение новых исследований под новым углом зрения, и, если говорить о достижении высшей цели, поможет в последующем скорректировать проектную деятельность по реновации ценных объектов.

Проблема определения понятия «индустриальное наследие» и история концепта

Прежде чем теоретизировать индустриальное наследие, необходимо определиться с тем, что следует понимать под этим термином. Вот определение, данное в Нижне-Тагильской хартии, принятой Международным комитетом охраны индустриального наследия (ТИССИН):

Индустриальное наследие состоит из остатков индустриальной культуры, имеющих историческую, технологическую, социальную, архитектурную либо научную ценности. Данные напоминания включают здания и технологическое оборудование, мастерские, заводы и фабрики, рудники, а также места переработки и очистки, склады и хранилища, места генерирования энергии, ее передачи и трансформации, транспорт и транспортную инфраструктуру, а также места социальной значимости, относящейся к производству, такие как жилье, места религиозного поклонения, специальные учреждения образования⁷⁶.

Как видно, большая часть определения состоит из простого перечисления объектов, относимых к индустриальному наследию. Между тем про «определяемые качества» написано довольно расплывчато. В самом деле, объекты данной группы весьма разнообразны и их трудно точно свести к единому знаменателю. Немного общего можно найти у железнодорожного полотна и водонапорной башни, у обувной фабрики и старой телефонной подстанции.

Основным отличием, определяющим данную типологическую группу служит то, что индустриальное наследие состоит из материальных объектов индустриальной и технической культуры, созданных для производства, а не с целью обладания исторической, технологической, социальной, архитектурной и научной ценностью. Указанное уточнение содержит в себе еще одно понятие, нуждающееся в расшифровке – это «индустриальная культура». Именно оно стало ключевым для возникновения самого концепта индустриального наследия. Его появление непосредственно пред-

⁷⁶ The Nizhny Tagil Charter for the Industrial Heritage (July, 2003) // <http://www.mnactec.cat/ticcih/industrialheritage.htm>

шествовало осознанию ценности объектов, ранее «недостойных» внимания исследователей, ибо если нет культуры, то нет и ее наследия. И наоборот – говорить о наследии некой культуры можно только по прошествии смены эпох, после того как исследователи смогут более-менее четко определить этап развития человечества, ставший достоянием истории.

Еще в середине XX в. Запад задыхался от дыма заводских труб, а вокруг крупных предприятий образовывались новые города. Даже первый этап европейской интеграции был основан на обеспечении не столько политических, сколько экономических и производственных интересов. Вспомним создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. Тогда его участниками стали шесть государств: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Договор нацеливал на создание общего рынка товаров и услуг в сфере добычи и производства угля и стали, а также реконструкцию двух базовых отраслей экономики для повышения их рентабельности.

Время шло, в 50-70-х гг. XX в. прошла научно-техническая революция, составными частями которой было увеличение наукоемкости, повышение эффективности производства, электронизация, комплексная автоматизация, перестройка энергетического хозяйства, производство новых материалов, ускоренное развитие биотехнологий, космизация, информатизация. Уровень жизни рабочих постепенно стал довольно высоким, требуя постоянного повышения заработной платы. Соответственно росла и себестоимость производимой в Европе и Америке продукции. Казалось, что эпоха индустриального производства не закончится никогда, но закончилась она быстро, уже к концу 70-х гг. XX в.

Все низкотехнологичное и даже часть высокотехнологичного производства было постепенно передислоцировано из Европы и Северной Америки в страны третьего мира, где его себестоимость теперь в несколько раз ниже за счет минимальной заработной платы рабочих, а также небольшой доли интеллектуального компонента в продукции. Теперь заводы уже не портят европейскую экологию. В большинстве городов производство прекратилось вовсе.

Современную западную постиндустриальную информационную эпоху отличают несколько основополагающих признаков: упор на производство высокотехнологичных наукоемких товаров, основной производимый товар – информация (научные разработки), занятость основной массы населения в сфере обслуживания, а не на производстве.

Данная трансформация повлекла за собой исчезновение целых отраслей промышленности. В Великобритании, например, прекратилась добыча угля. Не стало текстильной промышленности. Ненужными стали целые производственные комплексы. Рабочие, занятые на них, были уволены, часть оборудования продана, часть сдана на металлолом. В опустевших цехах гуляет ветер, и огромные здания, бывшие еще недавно государственной гордостью и основой экономического процветания, напоминают мрачные замки с привидениями.

Индустриальная эпоха оставила нам модифицированные физические и культурные ландшафты. Жизнь больших предприятий была теснейшим образом связана с жизнью страны. В социальной, политической и культурной истории они сыграли роль ничуть не меньшую (а для последних поколений гораздо большую) нежели городские крепости, кафедральные соборы и оперные театры. Индустриализация изменила внешний образ целых регионов – появилась сеть железных дорог, масса огромных предприятий, ставших доминантами городской застройки и ландшафтными доминантами вообще. Индустриализация принесла необратимые культурные и социальные изменения в общество. Появилась новая категория населения – рабочие – социальный класс, лишенный собственности на средства производства, для которого основным источником средств для жизни является продажа собственной рабочей силы. Для них было свойственно наличие определенной субкультуры (различной по отраслям производства, однако более-менее сплоченный в общих интересах), они были носителями особых стратегий жизнеобеспечения, невозможных ранее ни в одной культуре, требовали для своего обеспечения строительства соответствующей инфраструктуры – новых специальных учебных заведений, медицинских учреждений, домов отдыха, санаториев и т.п.

Следующее поколение жителей объединенной Европы уже не будет помнить труд рабочего, индустриальная эпоха уже не будет иметь на него прямого воздействия. Отстранение производства вызывает очередные необратимые социокультурные изменения. Таким образом, сегодня перед нами во всей своей полноте начинается очерчиваться целая индустриальная эпоха, которая внесла существенный вклад в развитие всего человечества. Необходимо сохранить память о ней, чтобы понять наших предков и иметь более прочную базу для движения вперед.

В настоящее время во внешнем виде городов уже виден натиск новых технологий. Индустриальные постройки больше никогда не будут такими, как прежде. Облик городов очередной раз претерпевает коренные изменения (рост числа автомобилей и дорожного строительства, новые материалы, принципы оформления), поэтому если не побеспокоиться об индустриальном наследии именно теперь, его, совсем не охраняемого, скоро не останется. Скорость трансформации окружающей городской среды очень велика и гораздо выше, чем в предшествующие исторические эпохи⁷⁷.

В Беларуси появление индустриальных зданий и расцвет индустриальной культуры относится к периоду от XVIII до первой половины XX в. В Гродно, например, начиная с деятельности гродненского старосты надворного подскарбия А. Тизенгауза – с учреждения им на городских окраинах (а сегодня это, напротив, исторический центр) нескольких мануфактур. Далее Беларусь покрывалась сетью предприятий в рамках промышленного переворота, закончившегося в Российской империи в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. Пик промышленной активности в белорусских городах приходится на советское время и связан с кампанией по индустриализации, а затем и с экстенсивным промышленным ростом в последний период существования Советского Союза. Вместе с тем, уже тогда многие предприятия переносились из центра города на окраины, а их место занимали либо постройки другого предназначения, либо менее опасные предприятия.

Теперь Беларусь, хотя еще и не вступила в постиндустриальную и информационную фазу своего цивилизационного развития, тем не менее, в ближайшем будущем намерена это сделать. Открытие рынков, дальнейшая специализация производства приведет у нас, так же как и в других частях Европы, к закрытию множества предприятий, переносу производства в менее развитые регионы планеты и т.д. В любом случае количество рабочих уже постепенно уменьшается, а будет уменьшаться еще быстрее, что приведет к соответствующим социальным и культурным последствиям. Судьба нашего индустриального наследия будет во многом зависеть от того, как мы воспримем передовой европейский опыт в этой сфере.

Предвосхищая систематическое исследование белорусских индустриальных объектов с точки зрения теории наследия, необходимо сказать, что Беларусь, как постсоветская страна, может представлять совершенно особый интерес для исследователей. Беларусь была «сборочным цехом» СССР, реализовав на своей территории все передовые технические достижения советской науки. Еще одна специфическая черта белорусского постсоциалистического индустриального ландшафта – наличие сохранившихся гигантских сельскохозяйственных комплексов, вобравших в себя множество оригинальных технических и архитектурных решений.

Начало внимательного отношения и консервации индустриальных объектов некоторые исследователи склонны видеть уже в практике создания первых промышленных музеев, а также в деятельности международных технических выставок. Первая из них - Лондон-Экспо 1851 г. СобираТЕЛЬСкую и научную деятельность в этом направлении подстегивали отношения конкуренции между великими европейскими государствами той эпохи за право иметь самый лучший национальный технический музей. Тем не менее, тогда музеи выполняли иную, нежели сегодня, функцию, и являлись не хранилищем наследия, а скорее выставками передовых технических достижений.

Зачатки охраны индустриального наследия отмечаются в начале XX в., еще до Первой мировой войны, когда за промышленными объектами стала признаваться эстетическая и историческая (в смысле давности возведения) ценности. Уже в 1912 г. немецкие журналы памятничноохранной тематики приводили в пример современным им строителям прекрасные здания прежних лет и указывали на необходимость их сохранения как произведений искусства.

Тем не менее, страной, совершившей прорыв в деле охраны индустриального наследия, стала Великобритания, где вскоре после окончания Второй мировой войны на старых предприятиях начали проводиться консервационные и интерпретационные мероприятия. Через небольшой промежуток времени, по мере экономической трансформации, индустриальное наследие начали охранять и в других западноевропейских странах – в Германии, Голландии, в скандинавских государствах. В конце 60-х гг. индустриальным наследием заинтересовались во Франции. В 1978 г. здание вокзала Орсе в Париже получило статус исторического памятника. Через восемь лет в нем открылся музей импрессионизма.

⁷⁷ Такое в принципе уже было, когда до нашего времени «за ненадобностью» не дошло ни одной мануфактуры доиндустриального периода и многих интереснейших объектов. Еще грустный пример из другой области: если боевые корабли XX – начала XIX вв. кое-где сохранились, то трансатлантические лайнеры были разрезаны на металлолом все без остатка. Между тем, в свое время эти исполинские сооружения (вспомните «Титаник») являлись сосредоточением технического и эстетического гения эпохи. В них были воплощены все самые лучшие, самые передовые достижения, накопившиеся к моменту постройки. С развитием гражданской авиации все они были разрезаны на металл.

Явление промышленной археологии (так называют специальную дисциплину, занимающуюся изучением индустриального наследия), таким образом, зародилось в 50-е гг. XX в., и уже в 60-70-х гг. получило широкое развитие, стало популярным. Вначале исследователи проявляли к этой группе объектов чисто исторический интерес (в смысле истории техники) в связи с НТР и внезапным технологическим рывком, потом началось восприятие их как классических памятников. Постепенно, по мере нарастания исследовательской активности, под индустриальными объектами стали пониматься не только заводы и фабрики, но и объекты, связанные с сельскохозяйственным производством, объекты инфраструктуры и т.д.

Современные центры изучения индустриального наследия – это такие национальные организации, как Английское наследие⁷⁸, Ассоциация индустриальной археологии (Великобритания)⁷⁹, Общество индустриальной археологии (США)⁸⁰, министерства культуры, Международный комитет ТИККИХ (ТИССИН). Кроме того, это академические заведения – Падуанский университет, Сорбонна, Королевский технологический институт в Стокгольме, Институт Айронбридж при Бирмингемском университете, Департамент музейных исследований при Лейчестерском университете и другие.

Отдельного упоминания заслуживает деятельность ТИККИХ – международного комитета, занимающегося изучением индустриальной археологии, а также охраной, развитием и интерпретацией индустриального наследия. Организация является специальным научным комитетом ИКОМОС по индустриальному наследию. В 1973 г. комитет провел первый международный конгресс, с тех пор такие форумы проводятся раз в 4 года. Последний конгресс состоялся в 2006 г. в Терни и Риме (Италия).

Принятая им Хартия индустриального наследия содержит максимально широкое определение данного типа наследия, перечисление его основных ценностей, обоснование важности идентификации, фиксации и исследования объектов, критерии законодательного оформления охраны промышленных памятников, рамочные условия консервации, интерпретации, популяризации и включения наследия в культурную жизнь общества.

О том внимании, которое в Великобритании на государственном уровне уделяется проблемам индустриального наследия, свидетельствует факт, что вышедшая в 2000 г. книга «Индустриальные сооружения: консервация и регенерация» имеет предисловие, написанное Чарльзом, принцем Уэльским.

В постсоциалистических странах индустриальное наследие также становится очень актуальной темой для исследований. Например, в Чехии в первой половине 90-х гг. XX в. благодаря программному проекту Министерства культуры было произведено систематическое изучение промышленных и технических объектов и их ареалов, длившееся пять лет. Выводы данного проекта, дополненные дальнейшими локальными исследованиями, прежде всего Института памятников в Остраве в области каменноугольной добычи и сопутствующей индустрии, стали основными материалами для издания четырехтомной энциклопедии «Технические памятники в Чехии, Моравии и Силезии»⁸¹. В 2002 г. при Высшей технической школе Чехии в Праге был основан Исследовательский центр промышленного наследия, что знаменовало собой принципиальный шаг в сосредоточении информации о промышленном наследии и его популяризации⁸².

Что касается международного уровня, то на 2009 г. в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО насчитывается уже около 40 объектов индустриального (чистого и смешанного) наследия. Лидером по количеству таких памятников является Великобритания – 5 объектов, за ней следуют Франция, Германия и Мексика – по 3 объекта. Естественно, больше других в списке представлены объекты европейского континента, но есть также азиатские и американские. Можно назвать несколько объектов из списка, чтобы у читателя полнее сложилось представление о большой степени их вариативности:

- Бельгия. Музейный комплекс издательства и типографии Плантен-Моретюс (Антверпен); Четыре судоподъемника на канале Дю-Сантр и их окружение, Ля-Лувьер и Ле-Рейкс, провинция Эно;
- Великобритания. Горнопромышленный ландшафт Корнуолла и Западного Девоншира; Фабрики в долине реки Дервент;

⁷⁸ English Heritage // <http://www.english-heritage.org.uk>

⁷⁹ The Association for Industrial Archaeology // <http://www.industrial-archaeology.org.uk>

⁸⁰ Society for Industrial Archeology // <http://www.sia-web.org>

⁸¹ Technické památky v Čechách, na Moravě a ve Slezsku, díl 1-4. – Praha: Libri. – 2002-2004.

⁸² Průmyslové dědictví / industrial heritage. Sborník příspěvků k mezinárodnímu bienále «Industriální stopy». Ed. B. Fragner. – Praha: České vysoké učení technické v Praze, 2008. – S. 145.

- Германия. Старая угольная шахта Цольферайн в городе Эссен;
- Индия. Вокзал Чхатрапати-Шиваджи, бывший Виктория-Терминус (город Мумбаи); Горные железные дороги Индии;
- Испания. Бискайский мост-транспортёр (окрестности города Бильбао); Район древней золотодобычи Лас-Медулас;
- Мексика. Ландшафт плантаций агавы и старинные предприятия по производству текилы;
- Нидерланды. Ветряные мельницы в районе Киндердейк-Элсхаут; Паровая насосная станция Вауда;
- Польша. Соляная шахта в Величке;
- Португалия. Винодельческий район Алту-Дору;
- Финляндия. Деревоперерабатывающая фабрика в Верле;
- Франция. Древнеримский акведук Пон-дю-Гар; Королевский соляной завод в Арк-э-Сенан;
- Чили. Производства селитры Хамберстон и Санта-Лаура;
- Швеция. Железодобывающий завод Энгельсберг; Радиостанция Варберг.

Таким образом, сегодня концепт индустриального наследия получил достаточно широкое распространение, имеет уже международную законодательную поддержку в лице ЮНЕСКО, ТИККИХ и других организаций. Можно утверждать, что его распространение приняло глобальный масштаб. В каждой стране мира, вероятно, найдется несколько объектов, подпадающих под критерии индустриального памятника, при том, что объем индустриального наследия расширился до своего предельного значения. Данные тенденции уже докатились до Беларуси, и, думаю, что в самом ближайшем будущем нас ожидает большой всплеск профессионального интереса к рассматриваемой группе памятников⁸³.

Основные ценности, заключенные в индустриальном наследии

Попытаемся построить иерархический список потенциальных ценностей данной категории памятников, имея в виду, что ценности – это такие качества объекта, которые сами по себе заслуживают подчеркивания и консервации, либо возобновления (ревалоризации) и, взятые в совокупности, позволяют говорить об объекте как элементе наследия, заслуживающем почитания, консервации, интерпретации.

Охрана и консервация памятников как отдельная теоретическая дисциплина развивалась всегда в контексте истории и искусствоведения. Большую часть внимания исследователи уделяли сохранению церквей, костелов, замков и выдающихся объектов городской застройки. Вот почему осознание ценностей индустриального наследия пришло сравнительно поздно. В объектах промышленного наследия очень редко присутствует художественная составляющая (она касается в лучшем случае зданий), промышленный (производственный) же дизайн редко становится объектом внимания искусствоведения.

■ Схема определения реновационной стратегии для объектов индустриального наследия. В зависимости от комбинации ответов да/нет субъект управления может принять одно из 7 решений: отчуждение объекта, креативное сохранение, консервация, историческая реставрация, ревитализация, перепрофилирование или снос.

⁸³ Здесь уже можно отметить многолетнюю широкую исследовательскую и популяризаторскую деятельность белорусского историка А. Киштымова.

Если не считать истории рабочего движения, исторические события нечасто происходили на заводах и фабриках. Теперь упомянутая тема исторических исследований в связи с изменившейся политической обстановкой в нашей стране несколько утратила свою актуальность. Тем не менее, большое видится лучше издали, и сегодня многие теоретики охраны наследия приходят к выявлению таких новых ценностей индустриального наследия, которые не содержатся в давно оберегаемых культовых и репрезентативных объектах. Объекты индустриального наследия, как и другие типологические группы, ценятся прежде всего в связи с давностью создания. Однако у них есть и свои собственные, не менее важные группы ценностей.

Во-первых, ценности, заключающиеся в самом объекте наследия. Совершенно очевиден и не требует доказательств факт, что аутентичность является основной ценностью, непосредственно связанной с материальной субстанцией объекта. Более того, аутентичность служит основным критерием отнесения объекта к памятникам. Применительно к индустриальному наследию целесообразно выделить следующие виды аутентичности.

- Аутентичность материалов и их источника, технологии и конструкции. Индустриальное наследие, как и любое другое недвижимое наследие, может представлять для нас интерес как архитектурное сооружение, образец типичных конструктивных решений своего времени. Главное в нем не внешняя архитектурная оболочка (хотя и она весьма важна), но те промышленные механизмы и технологии, которые использовались в производстве либо в обеспечении нормальной работы инфраструктурного объекта. В связи с этим можно отметить повышенную уникальность и невозполнимость промышленных объектов. Если старинное здание теоретически можно восстановить в первоначальном виде строительными средствами, то индустриальное наследие является в первую очередь инженерно-техническим памятником. Никто не будет (а при желании скорее всего не сможет) восстанавливать старые котлы, компрессоры, печи, так как это практически невозможно. Поэтому сохранению самых ценных образцов оборудования следует уделить особое внимание.
- Аутентичность промышленных интерьеров. Промышленный стиль оформления интерьера (выведенные наружу коммуникации, грубость отделки, отказ от использования декоративных элементов и т.п.) в оригинале не являлся никогда следствием дизайнерской работы. Он был подчинен максимальной функциональности, а также экономичности. Теперь он сам по себе обрел художественную ценность, однако в старых производственных зданиях его еще можно увидеть в первозданной красе. Даже при полном демонтаже оборудования, при полной перепланировке и изменении функционального предназначения помещений аутентичность сохраненной внутренней отделки может служить дополнительным фактором, влияющим на позитивное восприятие объекта.
- Аутентичность функции. Данную ценность довольно трудно поддерживать искусственно, но тем не менее она является одной из ключевых в классической европейской теории наследия. Выигрышно, когда объект используется по своему прямому назначению. Если это невозможно, стоит продумать варианты использования и интерпретации, напоминающие бывшую основную функцию памятника. Например, на бывшей шоколадной фабрике можно открыть шоколадное кафе. К сожалению, о сохранении функции технологического оборудования говорить не приходится. Отдельно можно продумать сохранение функций планировочной структуры объекта – помещений санузлов, коридорной системы, расположения офисных комнат и т.д.

Во-вторых, ценности, производные от объекта. Это такие ценности, источником которых служит объект:

- Применительно к индустриальному наследию основной производной ценностью считается историческая ценность, являющаяся проекцией его документальной значимости как источника, информирующего нас о состоянии развития науки и техники, общественных отношений, условиях жизни, об эстетических вкусах той эпохи, в которую он был создан. Изучая аутентичные сохранившиеся индустриальные объекты, мы можем открыть для себя много нового и полезного: как строилась субординационная лестница в производственных отношениях, каковы были санитарные нормы, как влияли антропологические данные рабочих на процесс производства. При этом изучение объектов можно проводить практически бесконечно, по мере появления новых разнообразных научных исследовательских методов.

- Одну из ценностей индустриального наследия – свидетельство о тенденциях и особенностях экономического развития регионов можно выявить только методом картографирования, нанося индустриальные объекты с указанием вида производства в порядке их возникновения на карту. Изготовив, таким образом, несколько карт по «временным срезам», историки экономики смогут сделать, очевидно, весьма интересные выводы.

В-третьих, внешние ценности. Это такие ценности, которые с внутренней субстанцией объекта связаны посредством каких-либо событий, происходящих вне контекста самого памятника, но для восприятия которых объект наследия является отправной точкой:

- Применительно к индустриальному наследию можно выделить ценность объекта, являющегося фоном событий, которые даже не оставили на нем никаких материальных следов. Как уже сказано, это может быть история рабочего движения, история самых высоких технических достижений, социальная история и т.д. Здесь подчеркиваются как раз нетипичность объекта, репрезентирующая время его создания, а те уникальные события, которые позволяют говорить об объекте «тот самый, где...».

В-четвертых, добавленные ценности, которые объект обретает в процессе своего существования, следующие из роли, которую он играет в жизни общества:

- Ценность места памяти. Место памяти – объект, апеллирующий к прошлому и одновременно служащий сплочению определенной социальной группы, объект, являющийся субъектом гражданского общества через конструирование локальных сообществ. Локальные сообщества могут образовываться по самым разнообразным признакам: бывшие рабочие предприятия, жители близлежащих кварталов, потребители знаменитой продукции, претенденты на использование свободной площади бывшего предприятия. Усиление локального самосознания может достигаться средствами создания научно-культурных центров на базе индустриального наследия, тем более если никакого другого наследия в регионе нет. Пример – Рурская область, г. Сарск в Германии. До реализации масштабной программы интерпретации угольных шахт это был депрессивный регион без особых перспектив. Теперь социологические исследования показывают, что местные жители подняли самооценку, обрели веру в будущее⁸⁴.
- Ценность ландшафтной доминанты, градостроительная ценность. Объект, благодаря своему расположению на местности, благодаря выступающим конструкциям – трубам, монтажным вышкам – может служить ландшафтной доминантой городской или сельской среды, придавая на протяжении многих десятков лет своеобразие локальному пространству. Градостроительная ценность заключается в том, что редко промышленные предприятия строятся в центральной части городов. Как правило, они размещаются на окраине, где затем служат отправной точкой при планировании городской застройки, окружая себя «зоной отчуждения» в случае опасного производства, но также и инфраструктурными постройками – поликлиниками, зданиями администрации, складами, железнодорожной сетью. Все это также может быть достойно сохранения или хотя бы подчеркивания при проведении интерпретационных мероприятий.
- Символическая ценность. Предприятие, другой объект может стать символом определенной местности, города. Возможно благодаря своим размерам, возможно благодаря экономической или социальной значимости. Так, один из символов Парижа – Эйфелева башня, в Лиде символической ценностью обладает местный пивоваренный завод, в Жодино – БелАЗ.

Для того чтобы выявить максимальное количество ценностей объекта, исследователь может использовать методы архивного и библиографического поиска, интервьюирование местных жителей, бывших рабочих и администрации, натурными исследованиями самого объекта и пространственно-планировочных связей с другими элементами застройки. Немаловажным представляются консультации с экспертами по истории техники, градостроительства и т.д. Эксперты, даже не видевшие объект, могут указать на множество его ценных качеств.

Наиболее благоприятные моменты для выявления индустриальных объектов, представляющих историко-культурный интерес, совпадают с наиболее опасными моментами их существования. Это: масштабные коренные модернизации производства, переезд предприятий, их закрытие. Именно в это время производственный цикл прекращается (или приостанавливается),

⁸⁴ Průmyslové dědictví / industrial heritage. Sborník příspěvků k mezinárodnímu bienále «Industriální stopy». Ed. B. Fragner. – Praha: České vysoké učení technické v Praze, 2008. – S. 33.

что дает возможность на некоторое время осуществить допуск историков на предприятие, перестать воспринимать некоторые элементы технологических линий как чисто функциональные объекты и сконцентрироваться на их исторических ценностях. Ввиду грядущей волны переоснащения, модернизации многих белорусских предприятий, а также скорее всего сокращения производства, историки техники должны быть готовы обследовать эти предприятия на предмет выявления объектов, представляющих музейную ценность. Иногда музейные экспонаты могут быть просто-напросто сданы на металлолом. Сами здания предприятий должны быть исследованы в первую очередь на предмет выявления исторической, архитектурной и градостроительной ценностей.

Кроме всего прочего, исследование объектов промышленного наследия позволит ввести в широкий историографический оборот имена их создателей. В самом деле, процесс индустриализации не был безликим и анонимным. Каждый завод, комбинат, каждая мануфактура, фабрика, все инфраструктурные сооружения имели своих архитекторов, разработчиков, сочетавших эстетические достоинства объектов (с течением времени этому параметру технических сооружений внимания уделяется все меньше и меньше) с их функциональностью и долговечностью. Люди эти вполне являлись отражением технического гения своей эпохи, влияли на преобразование облика наших городов, а потому заслуживают памяти о себе.

Конечно, весь ценностный комплекс можно обнаружить только на редчайших предприятиях. Именно выявлению таких объектов и должны быть посвящены масштабные, финансируемые государством усилия. И именно им, объектам, обладающим максимальным количеством ценностей, впоследствии необходимо отдавать приоритетное внимание консерваторов, реставраторов и интерпретаторов. Все объекты индустриального наследия сохранить не получится.

Пути трансформации индустриальных объектов

После того как исследователи доказали, что объект обладает внушительным набором ценностей, можно приступать к работе по его трансформации в памятник. Согласно теории наследия, идеальный памятник – это объект, реализованный согласно одному цельному и единообразному плану, без перестроек, используемый согласно своему первоначальному предназначению, сохранившийся в хорошем состоянии. Таким образом, интерпретировать можно и нужно в первую очередь действующие предприятия. Это будет, помимо прочего, залогом успешной консервационной и интерпретационной деятельности в случае их ликвидации.

Я ни в коем случае не призываю закрывать фабрики ради того, чтобы делать музеи и торговые центры. Если только возможно, экономически эффективное производство необходимо сохранять, тем более, что после выведения из использования объекта индустриального наследия и вхождения его в сферу бизнеса или культуры его только что открытые ценности начинают забываться и улетучиваться как песок сквозь пальцы.

Вместе с тем, ответственным лицам следует много раз подумать, прежде чем принимать решение о полной ликвидации объекта. «Снесенное здание – это разрушение реальных активов, тогда как здание восстановленное продолжает свою полезную жизнь», – утверждает американский экономист Донован Рипкема в своей книге «Экономика исторического наследия»⁸⁵.

Пути консервации и интерпретации ценных объектов можно условно разделить на две категории по отношению к памятнику: активный и пассивный.

Активный путь:

Конструктивная консервация, без кардинального изменения функции. Можно менять тип производства – на бывшем обувном заводе открывать швейное производство, в бывшей типографии – изготовление мебели. Во всех случаях с сохранением оборудования, имеющего историческую ценность. Очень подходит действующим объектам, особенно доступным для посетителей, ведь по многим предприятиям устраивают экскурсии. Совсем не обязательно устраивать на объекте музей в полном смысле слова. Достаточно сохранения по возможности большего количества оригинального оборудования и небольшой интерпретационной активности. Это как раз тот случай, когда модернизация и перепрофилирование проводится без ущерба для старины и ценных объектов. Наоборот, обновление используется как возможность их выпячивания, демонстрации. Путем уважения к собственной истории и традициям предприятия могут создать себе позитивный образ.

⁸⁵ См. подробнее: Рипкема Д.Д. Экономика исторического наследия. – М.: Билдинг Медиа Групп, 2006. – 155 с.

В качестве практически идеального примера можно привести реконструкцию лондонского железнодорожного вокзала Сент-Панкрас. Здание вокзала 1866 г. постройки обладает множеством архитектурных достоинств. Тем не менее, еще в конце XX в. его собирались сносить. Тогда был разработан проект реконструкции, благодаря которой он теперь выполняет свою оригинальную функцию – является конечной станцией поезда «Евростар», соединяющего Лондон и Париж. Естественно, о такой его миссии создатели вокзала, поезда с которого раньше отправлялись только в Среднюю Англию, скорее всего не задумывались. Все исторические детали (кроме перронов) были бережно сохранены. Например, газгольдеры (резервуары для хранения газа) на время ремонта демонтировали, а затем водворили на место.

Адаптивное преобразование. Это самый распространенный вариант, самый разнообразный по количеству креативных решений. Суть его заключается в кардинальном изменении функции объекта. С точки зрения трансформации внешнего вида может быть радикальным либо мягким. Даже полное архитектурное и дизайнерское переустройство не исключает использования интерпретационных технологий (фотографии, таблички, названия новых ресторанов, магазинов и т.п.).

Переустройство является отличным решением, позволяющим избежать разрушения объекта, однако при его планировании историкам и архитекторам стоит прорабатывать долговременную стратегию интерпретации регионального индустриального наследия и смотреть, как каждый отдельный объект будет способствовать ее реализации. Например, стратегия «Рур – регион угледобычи» (ФРГ): здесь при преобразовании бывшие предприятия по добыче угля будут сохранять свои типичные черты угольных комбинатов.

Индустриальное наследие, если идет разговор о его переустройстве, располагает потенциально большей свободой для творчества архитектора, чем другие типы наследия.

Первоначально консервация бывших промышленных объектов отдается на откуп местным общественным инициативам. Объекты воспринимаются местной администрацией как бремя. Затем ими начинают интересоваться девелоперы и объекты властью воспринимаются как актив, как богатство. С закрытием предприятий экология улучшается, люди снова хотят жить в центре города или в бывшем промышленном районе. Получает популярность адаптация под лофты (жилые помещения в бывших промышленных объектах). Парадокс лофтов: это абсолютно новое жилище, уже имеющее историческую ценность. В ряде случаев для увеличения прибыли девелоперам выгодно максимально сохранить стилизованный промышленный колорит лофта.

Также бывшие фабрики могут стать торговыми центрами, офисными комплексами, многоуровневыми паркингами и т.д. Переустройство объектов наследия прекращает их безлюдное существование, создает новые рабочие места. Конечно, не в таком количестве, как на промышленном объекте, но все же лучше, чем совсем ничего. Например, в Великобритании посредством деятельности организации Английское партнерство (English Partnerships) по осуществлению программы ревитализации бывших угольнопромышленных предприятий было создано с 1996 г. более 12 тыс. рабочих мест.

Индустриальное наследие, как никакое иное, притягивает всевозможную творческую интеллигенцию. Начало было положено Э. Уорхоллом, создавшим знаменитую студию «Factory» (Фабрика) в здании заброшенной фабрики на Манхэттене. Именно «Фабрика» стала моделью идеального сквота, который одновременно служит клубом, апартаментами, мастерской и съемочной площадкой. Кажется, нет ничего более способствующего творчеству, чем эстетика заброшенных индустриальных помещений, тем более что это для бедных художников место не только творчества, но также отдыха и проживания. Разнообразные идейные сквоттеры уже давно присмотрелись ко многим оставленным индустриальным объектам в Европе, и не смотря на то что некоторые из них продолжают оставаться частной собственностью, выкурить оттуда новых жителей не может даже полиция.

В Италии множество бывших заводов функционируют теперь как «арт-фабрики». Наиболее знаменитая – «Университет идей» – cittadellarte в пьемонтском городе Биелла, международная благотворительная программа долговременного обеспечения жильем, размещенным в комплексе бывшей текстильной фабрики. Программа была основана художником Михаэлем Пистолетто⁸⁶. Здание и сопутствующая инфраструктура принадлежат художникам, студентам и слушателям различных университетов со всех концов планеты. У проживающих есть возможность практиковаться в различных

---

⁸⁶ Cittadellarte – Fondazione Pistoletto // <http://www.cittadellarte.it/citta2005/eng/home/home.htm>

художественных и обществоведческих дисциплинах. Подобных организаций в Европе довольно много.

Один из приемов включения опустевших промышленных объектов в культурную жизнь города – так называемые сайт-специфик проекты. Перевести это понятие на русский язык довольно сложно. Имеются в виду культурные проекты, одним из действующих лиц которых (очень часто неожиданным) становится пространство, ранее выключенное из культурного обихода. Сайт-специфик проекты – это художественные студии, импровизированные театры, места для хэппенингов и перформансов, галереи и еще многое другое, что придает холодному индустриальному пространству новое семантическое наполнение, антропологизирует его.

В Беларуси преобразование бывших промышленных объектов встречается довольно часто в зданиях, имеющих статус памятников истории и культуры. Например – перчаточная (бывшая табачная) фабрика в центре Гродно, а также целый промышленный комплекс, состоящий из зданий бывших дрожжевого, винокуренного, металлообрабатывающего, кожевенного заводов по ул. Володарского в Минске). К сожалению нигде это не сопровождалось консервацией промышленного оборудования или даже его примитивной интерпретацией.

Музеефикация, реплики технологий, реконструкция самого важного и интересного. Музеефикация может проводиться *in situ* даже спустя десятилетия после закрытия предприятия и переустройства здания. Экспозиция может быть интерьерной или традиционной линейной, посвящена конкретно данному предприятию либо всей отрасли промышленности в целом. Превращение здания промышленного объекта просто в музей техники относится к категории адаптативного преобразования, о чем рассказывалось выше.

Музеефикация – это самый экономически неэффективный способ трансформации бывшего промышленного предприятия, наиболее важный с точки зрения сохранения и популяризации его историко-культурной ценности. Самое ценное качество подобных музеев – полная материальная аутентичность объекта.

При проведении музеефикации и создании экспозиции полезно учитывать, что объекты индустриального наследия часто могут включать в себя историю нескольких предприятий, последовательно сменяющих друг друга в одном здании. Естественно, новообретенное музейное здание должно быть подвергнуто соответствующей модернизации, для того чтобы лучше соответствовать своей новой функции. Для усиления экспозиции целесообразно включать в нее предметы, перевезенные с других промышленных объектов, делать по возможности реконструкции и т.п. Можно попробовать имитировать производственный процесс минувших эпох. Все это сделает музей более интересным. Вместе с тем, желательно максимально возможное сохранение оригинальных интерьеров, ценного оборудования.

Во многих белорусских городах могли бы быть созданы технические музеи, благо ценных объектов много.

Пассивное действие – режим поддерживаемой руины. С точки зрения финансовых затрат, самый экономичный способ популяризации промышленного наследия. При таком варианте технический персонал делает бывший объект максимально безопасным для посетителей, после чего он становится открытым для желающих. Опасными могут оказаться тяжелые грузы и нестабильные металлоконструкции, непродуманная электропроводка, незащищенные вентиляционные и лифтовые шахты, токсичные отходы производства, ядовитые краски, ртутные и газовые выделения из шахт. С проблемой безопасности консерваторам еще никогда до того не приходилось сталкиваться в таком объеме. Целесообразно создание специальной надзорной службы, должности смотрителя, сторожа и т.п.

Оставленные предприятия обладают собственной триединой эстетикой – формы, функции и дизайна. Промышленные объекты всегда во время своей работы были запретной зоной, поэтому интерес к ним базируется еще и на раскрытии этой секретности. Поэтому в смысле аттрактивности индустриальные объекты самодостаточны.

Законсервированные объекты подвергаются разрушению гораздо быстрее, чем используемые, поэтому их никогда уже нельзя будет эксплуатировать по прямому назначению. Об этом необходимо помнить и, возможно, стоит сохранить частичную функциональность некоторых экспонатов.

Подобные объекты индустриального наследия следует закреплять за музеями, научными учреждениями, университетами, которые будут обеспечивать контроль над их естественным разрушением, а также катализировать к ним общественный интерес, использовать объекты для образовательных, культурных, спортивных (промышленный альпинизм) мероприятий.

Сохраненные объекты можно использовать и при подготовке технических специалистов соответствующих специальностей.

Сегодня промышленная история вызывает в Европе интерес не меньший, чем политическая, военная, история искусства. По оценкам некоторых экспертов «промышленный» туризм обладает наибольшей скоростью развития. Налицо постоянный рост посещений объектов и доходов от туристских услуг. В странах Евросоюза каждый год их посещают 150 млн. человек⁸⁷. В ЕС теперь насчитывается около 7 000 потенциальных объектов индустриального туризма.

Общеввропейская организация, занимающаяся организацией туризма по объектам промышленного наследия – Европейский путь индустриального наследия (ERIH)⁸⁸ организует и популяризирует соответствующие туристические маршруты. Она начала свою деятельность в 1999 г. с разработки маршрута по немецкому Порурью. Уже реализованы 11 региональных туристических маршрутов (Германия, Англия, Голландия), существуют тематические маршруты по отраслям производства: текстиль, энергетика, транспорт и коммуникации, водообеспечение. Страны бывшего соцлагеря активно готовят свои объекты для включения в списки этой организации, что почетно и престижно, дает множество выгод: обеспечение целевой рекламы, возможности дополнительного финансирования из европейских культурных фондов, хорошо поставленный маркетинг. Естественно, для включения в списки объект должен обязательно соответствовать определенным требованиям, тем не менее ее деятельность позволяет совершить переход от потенциального «туристского предложения» к полноценному туристскому продукту. Возможно, Беларусь могла бы предложить туристам из Европы что-то новое – крупные сельхозпредприятия, уникальные автомобилестроительные заводы и др.

Активно действуют в направлении популяризации индустриального наследия, стимулирования туристского интереса к нему и другие международные организации – уже упоминавшаяся ТИККИХ, Европейская текстильная сеть⁸⁹, Европейская сеть горнопромышленного наследия⁹⁰ и другие.

Таким образом, пути трансформации объектов индустриального наследия весьма разнообразны. Какой бы ни был выбран вариант, необходимо всячески способствовать сохранению, консервации максимального количества обнаруженных ценностей объекта, популяризировать его. Это важно в первую очередь с точки зрения уважения к собственной истории и культуре, а также имеет под собой социальную, политическую и экономическую выгоды.

Основные проблемы консервации и интерпретации индустриального наследия

Охрана и интерпретация индустриальных памятников сопряжена со множеством трудноразрешимых проблем прежде всего потому, что это новый, еще слабо разработанный раздел в теории наследия. Тем более сложно будет без необходимого опыта реализовывать подобные проекты в Беларуси.

Во-первых, поднимается проблема отбора объектов. В индустриальной Беларуси слишком много ценных с историко-культурной точки зрения предприятий и объектов инфраструктуры. Всех их законсервировать и интерпретировать не представляется возможным. Должны быть отобраны только представляющие наибольший интерес.

Во-вторых, как найти стороны, заинтересованные в использовании объектов индустриального наследия, как объяснить им важность сохранения ценного оборудования и элементов дизайна, устройства экспозиций? Кто больше всех заинтересован в охране этого типа наследия? Кто должен этим заниматься: инвесторы, девелоперы, историки, инженеры, государство? Главное отличие индустриального наследия от, например, городского деревянного или культового – то, что в его сохранении не заинтересованы напрямую непосредственные пользователи – администрация «умерших» заводов и их рабочие, в отличие от жителей домов, священнослужителей и прихожан.

⁸⁷ Průmyslové dědictví / industrial heritage. Sborník příspěvků k mezinárodnímu bienále «Industriální stopy». Ed. B. Fragner. – Praha: České vysoké učení lechnické v Praze, 2008. – S. 68.

⁸⁸ European Route of Industrial Heritage // <http://www.crih.net>

⁸⁹ European Textile Network // <http://www.etn-net.org>

⁹⁰ Europamines // <http://www.europamines.com>

В-третьих, можно ли отрегулировать и упорядочить процесс охраны промышленного наследия законодательно? Городская, областная и республиканская администрации могут способствовать его законодательному оформлению. Совершенно очевидно, что существующая система охраны памятников истории и культуры не способна обеспечить интересы индустриального наследия. Необходима разработка законов, требующих проведение историко-культурных инспекций по выявлению, фиксации наследия с целью его возможной дальнейшей музеефикации, определение порядка охранных мероприятий, условий предоставления финансовой поддержки со стороны государства, ответственность за повреждение и уничтожение, порядок вывода из технологического процесса и т.д.

В-четвертых, как актуализировать промышленное наследие в глазах незаинтересованных лиц? Большая ответственность лежит на руководителях предприятия. Они не должны препятствовать памятникоохранным инициативам общественности, наоборот, должны ее поощрять. Ведь для работающего предприятия очень важен его позитивный имидж в глазах потенциальных покупателей продукции, с точки зрения привлечения инвестиций, свежей квалифицированной рабочей силы, повышения наукоемкости производства.

Специфика изучения индустриального наследия заключается еще и в том, что историки, которые могли бы заниматься их охраной и интерпретацией, не обладают должными техническими знаниями. Соответственно необходимо проведение консультаций с настоящими специалистами. Было бы целесообразно, чтобы именно «технари» являлись организаторами охранной деятельности, консультируясь в свою очередь с историками. Многое зависит от университетских сотрудников, преподающих технические специальности.

Наконец, могут ли объектами государственных списков наследия считаться предприятия или следы индустриальной активности, нанешие существенный урон окружающей среде и экологической обстановке региона? Следует ли проявлять этический подход при рассмотрении вопроса о ценностях, которыми обладает объект?

От решения всех этих вопросов зависит судьба индустриального наследия в нашей стране. При решении проблемы мотивации всегда можно найти и решение финансовых вопросов. Однако силами общественных активистов проблемы индустриального наследия преодолеть невозможно. Энтузиасты могут лишь готовить общественное мнение путем создания информационных поводов, подталкивая ответственных специалистов к принятию единственно правильного решения - беречь, уважать и популяризировать наше прошлое.